

 НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Михаил МАКСИМОВ

**АНГЕЛ
ИЛЛЮЗИЙ**

**МОСКВА
2020**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М17

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

В оформлении переплета использована работа
художника *Г. Дзямко*

Максимов, Михаил.

М17 Ангел иллюзий / Михаил Максимов. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.

ISBN 978-5-04-109887-2

Где-то во Вселенной произошла катастрофа космического корабля. И он, уже неуправляемый, вонзился в створ между параллельными мирами. Его давно погибшим пилотам было всё равно, а вот в соприкасающихся мирах пошли волновые преобразования, сместилась реальность, смешалось время. Вот в такой точке соприкосновения и оказался наш современник, известный кинорежиссёр, сценарист, создатель высокохудожественной компьютерной графики, фанат самолётов и авиастроительства. И его перебросило в иной мир. А там... масса различий с нашей историей, которые начались с того, что фараон Эхнатон прожил очень долго, до восьмидесяти двух лет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109887-2

© Максимов М., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Пролог

Очередная галактика приближалась с огромной скоростью. Безбрежные пустоты космического пространства пронзались научной станцией цивилизации дуолчи по создаваемому тоннелю подпространства. Но специальные фиксирующие устройства считывали невоспринимаемую глазом информацию из внешних полей и трансформировали её в привычные зримые образы и воспроизводили на экранах рубки управления. Высчитывался маршрут, обозначались предполагаемые препятствия, предлагались варианты смещения в пространстве и искривления тоннеля, и всё это дублировалось не только на световом панно, но и в звуковом формате. Попискивали всё громче и громче сигналы аварийного состояния. А бесстрастный голос корабельного искина монотонно перечислял рекомендации, которые следовало применить в срочном порядке.

Увы, ни единой живой души на научном корабле не осталось. В нескольких креслах восседали ссохшиеся и скукоженные тела представителей цивилизации дуолчи, в остекленевших глазах которых запечатлён извечный покой. Реагировать на подсказки и рекомендации искина было некому. Так уж случилось, что перед своей неожиданной смертью от неведомого

межгалактического облучения пилоты не успели переключить систему управления в автоматический режим. Так что теперь бесчувственный голос лишь констатировал очевидное:

— Внимание, опасность! Внимание! Аварийная ситуация! Если в течение пяти минут не будет подкорректирован маршрут, корабль пронзит точку соприкосновения сразу двадцати четырёх параллельных миров. Расчётная вариативность гибели корабля — семь процентов. Возможность попадания в зону закапсулированного безвременья — шестнадцать процентов. Для всех миров последствия столкновения различны. Три из них сильно пострадают в природных катастрофах. В четырёх возможны перенос и смещение в пространстве гигантских объёмов грунта или водных ёмкостей. Во всех остальных мирах — незначительные переносы объектов, личностей, сознания и образование утечек атмосферы. В частности...

Четыре минуты наполненный металлом голос перечислял грядущие для веера миров трагедии и неприятности. Он явно не испытывал никаких эмоций от предстоящей гибели миллионов разумных, его оставляли безучастным будущие трагедии, которые исковеркали тысячи судеб. После чего без всяких эмоций констатировал:

— Пошла последняя минута перед столкновением. Внимание! Согласно основному протоколу самосохранения технического оборудования и ввиду отсутствия корректирующих команд будут задействованы устройства приоритетной безопасности научной станции. В связи с этим возможность попадания в зо-

ну закапсулированного безвременья повышается до девяноста восьми процентов. Иные последствия не поддаются прогнозированию. Повторяю...

Голос звучал в отсеках мёртвого корабля.

Смерть стала пронзать точку соприкосновения.

Двадцать четыре мира, каждый по-разному, соприкоснулись с кошмаром.

Миллиардам разумных, обитающим по соседству и не ведающим друг о дружке, оставалось только завидовать нескольким мирам, которые практически и не ощутили вселенской катастрофы.

Глава 1

Наказание?

Умирают по-разному. А мне совсем не повезло...

Вот только что подумал, что не успеваю вскочить на ноги и убежать. И отсутствию боли удивился. А уже в следующий момент вроде как все внешние ощущения оказались отключены от сознания. И оно с фатализмом констатировало:

«Падающее дерево проломило голову. Или вдавило её в плечи. Или ещё как-то... А может, иное что убило... Например, молнией сожгло. Но хоть хорошо, что не мучился. Умер легко, словно свет выключил. Разве что стыдно до крайности!..»

Сложно понять такой поворот мысли. Казалось бы, умер человек, ему уже всё равно и наплевать на все условности, а вот поди ж ты! Стыдно становится, как представишь, что подумают о моей глупой и бессмысленной смерти дети, жена, бывшие жёны, родители, друзья, знакомые... Так и чудятся недоумённые лица всех девяти детей, которые озадаченно переглядываются между собой и перешёптываются:

«Под деревом?.. Не будучи лесорубом?.. Совсем не логично в наше время!.. Скорей всего, папенька наш окончательно на старости лет сбрендил!.. И чего ему дома не сиделось-то?..»

Ну да, никто из них не осмелится подумать, что меня до такого нервного срыва довела их мама (для

последней троицы) и милая Настенька (это шестеро детей постарше так называли мою нынешнюю жену).

Вот оголтелый стыд и превалировал в сознании первое время. Настолько я зациклился на этом, что даже глаза открывать не спешил. Да и зачем их открывать-то? Если тебя положили в гроб и закопали, то всё равно ничего не увидишь в темноте. Разве что меня не похоронили? А кремировали? Несколько раз на эту тему велись разговоры, что лучше сразу превратиться в прах, чем гнить для этого долгие годы. Могли и сжечь, тело-то...

Цепочка дальнейших размышлений выглядела вполне логичной: если я умер, то почему продолжаю мыслить? Или «тот свет» всё-таки существует и моя душа сейчас в одной из его противоположных ипостасей? Или в чистилище? И как сейчас брэнная сущность выглядит: как человек или как беспечный дух без физической привязки?

Абсурдные мысли прервались резкими звуками, которые никак не могли принадлежать аду или раю. Разве что в раю божьи коровы тоже пасутся? Или что-то про ад нам священники врут? Может, там быки грешников на рога поддевают, а не черти?

Вот я и открыл глаза, начав с нарастающим удивлением осматриваться по сторонам. Полулежу на боку, в позе римского патриция. Под локтем у меня охапка сена, рядом ещё несколько таких же. За спиной — толстый ствол дерева, того самого, что было в парке. Разве что оно теперь обломано на высоте нескольких метров. И обломавшаяся часть совсем не на меня рухнула, а в противоположную сторону, разве что чуть наискосок. И крона гиганта согнула несколь-

ко более мелких деревьев подступающего вплотную леса. Хороший такой лес, густеющий вглубь и там переходящий в основательную чащу.

Переплетение корней, напоминающее перекрученное кресло, тоже в наличии. Получается, меня с него сбросила неведомая сила. Почему и как, если дерево лично на меня не падало? Ветром сдуло? Всего лишь? Тогда откуда взялись странные ощущения пережитой смерти?

А вот передо мной пространство изменилось радикально. Никакого парка, дорожек и плохой погоды. Светит солнышко, во все стороны раскинулся очаровательный луг с зелёной травкой, и на нем пасётся с десятков коров явно молочной породы. Таких рекордисток обычно рисуют на обёртке молочного шоколада.

Луг огромен, а дальние перспективы за ним скрываются пологими, точно так же зеленеющими холмами. А вот туши пасущихся коровок изрядно заслоняют поразительное зрелище. На поле за стадом с двух сторон с нарастающим рёвом сходятся на смертный бой две дружины облачённых в железо воинов. Из оружия — мечи, топоры, рогатины, шестопёры и короткие копья с широкими наконечниками. Из брони — латы, кольчуги, шлемы, бармицы, просто круглые каски военного образца, кованые сапоги, наручи, панцирные юбки, и даже видны кожаные доспехи. Иначе говоря, жуткий разнобой и никакого единства в облачении. И несмотря на грозный вид каждого воина в отдельности, вместе они вызвали странное ощущение неправильности происходящего. Словно это не рыцари какие-то собрались и не отдельные

подразделения двух армий, а две банды выясняют отношения друг с другом.

Моя соображаловка уже работала на полную мощность, выдвигая разные варианты объяснений, подходящих для творящихся чудес:

«Из мерзкой осенней погоды меня перебросило куда-то в тёплые края. Наверное, и во времени переместило в Средние века... Или передо мной два стада осатаневших реконструкторов древности?..»

Последняя догадка родилась не на пустом месте. Потому что две ватаги, примерно по сотне человек в каждой, наконец-то сошлись с грохотом, скрежетом и рёвом. Кое-где даже искры мелькнули от соприкоснувшейся стали. Началась рубка. Мелькали топоры. Поблёскивали несущиеся в странных замахах мечи. Угрожающе вибрировали широкие наконечники копий. Грохот и вопли оставались по своей силе на прежнем уровне. Стали видны первые жертвы, которые картинно выпадали из свалки и замирали на травке в самых нелепых, но весьма трагичных позах.

На мой взгляд профессионала, артисты и статисты работали сумбурно, хаотично и неправдоподобно. Но если судить с точки зрения обывателя... Да учитывая, что люди просто развлекаются... И не забывая о технике безопасности: убить такими железяками можно друг друга и нечаянно... То сражение было очень даже зрелищным и красочным. И опытный человек сразу понимал, насколько это сложно: собрать, одеть, экипировать, обучить, согласовать и так далее, и тому подобное. Сам половину жизни снимал фильмы и создавал сцены с помощью компьютерной анимации.

Так что я искренне увлёкся просмотром, не заметив, как поднялся на ноги, чтобы рассмотреть поближе лучше и во всех подробностях. При этом скорее машинально отметил, что мне жарко, и попытался хотя бы капюшон куртки откинуть с головы. В тот же момент заметил в руке и бутылку водки, которую перед потерей сознания (скажем так) открыть не успел. Бутылка выглядела целёхонькой, поэтому была быстро упрятана во внутренний карман. И не потому, что опасался лишних ртов на моё добро, а из-за банальной стеснительности. Всё-таки я человек публичный, довольно известный, и намерения выпить вульгарно, с горла, могли расцениваться окружающими как низвержение авторитета. Стыдно.

В тот момент во мне подспудно зрело ощущение, что вот-вот я проснусь или приду в себя и всё вернётся на круги своя.

Тогда как смена ракурса позволила рассмотреть массу иных интересных деталей. Лёжа на земле, я не видел других людей, которых скрывает масса сходящихся на смертный бой воинов и небольшое стадо пасущихся коров. А новых действующих лиц оказалось достаточно. И в каком статусе! И в каком колоритном обрамлении!

Палатки. Несколько автобусов и десятков автомобилей в стиле ретро. Десяток треног с лампами дополнительного освещения. Несколько массивных колонок. Несколько громадных камер на стационарных постаментах. И одна камера с оператором на движущейся по рельсам тележке. Несколько человек, отдельно восседающих на раскладных креслах. Лампы не горят, хватает вполне солнечного освещения. Ко-

лонки работают, выдавая тот самый скрежет, грохот и рёв ведущейся битвы. Коровы флегматично жуют травяную жвачку, в недоумении рассматривая стадо людей, так не соответствующее сельской пасторали.

Ладно животные, они и так возле меня находились. А вот съёмочную группу я видел всё лучше и лучше благодаря падающим на землю «убитым» и «раненым». При этом моё удивление только возрастало. Потому что снимали кино совсем уж допотопными, громадными камерами. Такие, плёночные, существовали в двадцатых-тридцатых годах двадцатого века. Древнее убожество и полный отстой. Вряд ли до нашего времени могли такие вот анахронизмы сохраниться в рабочем состоянии.

Мысли по этому поводу тоже появились соответствующие:

«Да они никак просто имитируют процесс съёмки?! Этакое кино о старом кино? — моя голова стала непроизвольно вертеться во все стороны, пытаюсь высмотреть современные видеокамеры. — Где же они? Скрытыми снимают?.. Какой смысл?..»

В самом деле, всё больше и больше происходящее вокруг смотрелось как театр абсурда. Ещё и теплынь стояла такая, что мне чуть плохо не стало от пробравшей меня жары. Мало того что расстегнулся, но уже начал снимать куртку и подумывал о том, чтобы сразу и свитер снять. Ещё и мимолётно удивился: как в такой жаре двигаются укутанные в стальную экипировку артисты?

Скорей всего, воины тоже жутко страдали, потому что стали пачками и кучками валиться на зелёную травку, затихая на ней и расслабляясь в притворной

кончине. На ногах оставалось около десятка, которые совсем выбивались из образа неумомимых берсерков, будучи уже не в силах размахивать тяжеленным железом. Будь я на месте режиссёра, уже давно прекратил бы съёмку этого жалкого зрелища.

Видимо, коллега тоже пришёл к данному выводу. Потому что раздался истерический крик:

— Стоп! Стоп! — прекращающий работу группы. А вот причина оказалась отнюдь не в усталости статистов или актёров: — Что это у нас творится на заднем плане?! Откуда это чмо крестьянское там выползло?!

Причём кричал не солидный с виду дядька и не красивый мужчина с сединой на висках, которые по всем канонам могли соответствовать главным людям на съёмочной площадке. Эти двое так и остались сидеть в креслах с видом ничем не возмутимых стойков. А вскочил на ноги и сейчас размахивал длинными ручками худющий и несуразный на вид молодой человек лет двадцати, не больше. Кстати, тыкал он своими ручонками именно в мою сторону. Опять-таки и все остальные на меня глядели строго и осуждающе. Даже «раненые» и «убитые» из позиции лёжа уставились, словно на явление царя Гороха.

Непроизвольно оглянувшись на лес (может, спутали с кем или кто ещё тут кроме меня бродит?), я попытался прокашлять в ответ: «Сам такой!» Именно что прокашлять, потому что ничего дельного из этих двух слов не сложилось. У меня в горле появилось ощущение, что мешает говорить комок наждачной бумаги. Ну и новые ощущения неправильности происходяще-

го появились, только я ещё не понял, к чему конкретно они относятся.

Тогда как худосочный прыщ продолжал изгаляться над фактом моего здесь появления:

— Или это какой-то бродяга бездомный? — странно, одет я вроде прилично, пусть и не по местной моде. — А скорей всего беглый работник с фермы! Только как он через этот дикий лес прошёл? Там же полно волков и медведей!

При этих словах по телам всех присутствующих (кроме меня и коров) словно волна тока прошла. Все шевельнулись, взбодрились, заулыбались, а кто неудобно лежал на земле, с лязгом экипировки уселись, лицом в мою сторону.

Тогда как крикун вновь сменил тон на трагичный и даже испуганный:

— Точно! Смотрите туда! Там медведь продирается сквозь подлесок! Он же сейчас этого бродягу на куски порвёт! А потом и сожрёт!

И ведь явно этот недоедающий тип переигрывает. Не хочу брать на себя лавры Станиславского, но я ни одному прозвучавшему слову не поверил. Плохой из него артист! И откуда здесь медведи возьмутся? Лес как лес, хоть и густой. Да и коровы рядом пасутся, ничего не пугаясь и обращая внимание только на людей. Так что я стал прокашливаться, чтобы озвучить ответную фразу. Что-то типа: «Превед! Пришёл медвед!»

Хотя уже довольно чётко ощутил некий акцент и несуразность в произношении худосочного прыща. Как-то он неправильно говорил. Или это я его неправильно воспринимал? Или неприятие пошло из-за резко возрастающей антипатии к горлопану?